

Повседневная жизнь уездного города: проституция в Ростове во второй половине XIX – начале XX в.

Г. В. Карандашев

В статье исследуется проблема городской проституции в России во второй половине XIX – начале XX в. на примере уездного г. Ростова Ярославской губернии. На основе анализа широкого спектра источников явление рассматривается как социокультурный феномен повседневной жизни, что позволяет выявить динамику и характеристики проституции как неотъемлемого компонента городского быта. В работе показано социальное положение публичных женщин, деятельность содержательниц домов терпимости и окружающая социокультурная среда. Знаменитая ростовская ярмарка привносила особый колорит в жизнь города, на время проведения заметно увеличивая население и привлекая девушек легкого поведения. В Ростове действовала врачебно-полицейская комиссия для предотвращения распространения сифилиса. Тайная проституция представляла наибольшую опасность в плане распространения венерических заболеваний. Основная масса публичных женщин принадлежала к низшим классам и находилась в стесненных материальных обстоятельствах. Приезжие проститутки, в основном одиночки, квартировали в домах ростовских мещан. Женщины были ограничены в праве свободного перемещения и выхода из числа проституток. Комбинация специфики профессиональной деятельности, социального окружения и предрасположенности к алкоголю способствовала формированию вокруг проституции криминогенной обстановки.

Ключевые слова: Российская империя, Ярославская губерния, Ростов, повседневность, проституция, полиция.

Для цитирования: Карандашев Г. В. Повседневная жизнь уездного города: проституция в Ростове во второй половине XIX – начале XX в. // История повседневности. – 2025. – № 1. – С. 174–189. DOI: 10.35231/25422375_2025_1_174. EDN: НККИФГ

Введение

1843–1917 гг. являлись особенным периодом в истории российской проституции – она была декриминализована и подлежала медико-полицейскому надзору. В зарубежной историографии бытует мнение, что государство тем самым осуществляло контроль над публичными женщинами как для защиты здоровья населения, так и для укрепления патриархального порядка, создавая дополнительные ограничения для женщин, находившихся в тяжелых материальных условиях. Проститутки сталкивались с сильной социальной стигматизацией и предвзятостью, а сама проституция была связана с вопросом о статусе женщины в обществе. При этом регламентация не решала фундаментальных социально-экономических проблем, способствовавших существованию древнейшей профессии, не обеспечивала реальной защиты женщин [1–3]. Проституция рассматривается не только как общественное явление, но и как культурный конструкт, отражающий гендерную и классовую динамику имперской России [4].

В конце XIX – начале XX в. проституция стала популярным объектом научного изыска и полемики среди российских ученых [5–6]. В современной отечественной историографии она зачастую рассматривается как социокультурный феномен повседневной жизни российского города [7–9]. При этом ее регламентация зависела от местных властей и отличалась в различных частях империи [10–14].

Несмотря на наличие достаточно широкого спектра публикаций по данной проблеме, на местном уровне, особенно в небольших уездных городах, вопрос остается малоизученным. Цель данной статьи – на основе обширного круга источников проанализировать социокультурные аспекты городской проституции в повседневной жизни г. Ростова Ярославской губернии во второй половине XIX – начале XX в. Методы истории повседневности, включая микроисторический анализ, дают возможность изучить классовые и гендерные иерархии провинциального города, оценить систему охраны здоровья местного населения и понять динамику городской жизни. Они позволяют исследовать моральные и этические стандарты поведения различных слоев общества [15].

В корпус неопубликованных архивных источников, сосредоточенных в фондах Государственного архива Ярославской области (ГАЯО), а также в его ростовском филиале (ГАЯО РсФ), вошли де-

лопроизводственные документы, большинство из которых впервые вводятся в научный оборот. Особый источниковедческий интерес представляют правительственные циркуляры, распоряжения ярославского губернатора, рапорты и отчеты ростовских полицейских властей и медицинских работников о состоянии проституции, журналы ростовской врачебно-полицейской комиссии, а также различные просительные документы местных жителей, содержательниц публичных женщин и самих проституток, адресованные к городской и губернской властям.

Корпус опубликованных источников составили официальные статистические документы, представленные материалами первой всеобщей переписи населения 1897 г. по Ярославской губернии, где «проституция» выделена как отдельное занятие населения. В издании приведены сведения о количестве публичных женщин по городам и уездам, возрастам, национальности, родному языку, наличию родственников [16]. Значимым источником послужили данные исследования от 1 августа 1889 г., когда в Российской империи, за исключением Великого княжества Финляндского, впервые проводилось масштабное изучение состояния проституции. Статистическим комитетом совместно с медицинским департаментом министерства внутренних дел были разработаны опросные листы, разосланные в губернские врачебные управления. С их помощью от местных властей поступила подробная информация о функционировавших домах терпимости, их содержательницах и поднадзорных публичных женщинах [17]. Кроме того, в работе были задействованы материалы дореволюционного путеводителя по Ростову [18].

Статистические показатели проституции

Ростов, уездный город Ярославской губернии, согласно первой всеобщей переписи населения 1897 г., насчитывал 13 715 жителей [16, с. 1]. В первой, или центральной, части города располагался кремль, обнесенный крепостным земляным валом. Внутри размещались церковные строения, общественный гостиный двор, несколько частных лавок, городские присутственные места, женская гимназия, пожарное депо, гостиницы и две базарные площади. Во второй части находилась обширная ярмарочная площадь, примыкавшая к городскому валу с одной стороны, а с другой окаймленная бульваром, открытым в 1860 г.

Кроме нескольких церквей, там располагались мужская гимназия, отделение Красного Креста, мытный двор, полицейское управление, тюрьма и городской сад. Третью часть составляли городские улицы [18, с. 36–37].

В 1847 г. Министерство внутренних дел «ввиду ограничения любово-страстной болезни, гибельной особенно в тех классах народа, которым неизвестны ее последствия и не имеющих доступной врачебной помощи», через губернаторов запросило информацию «о девках и женщинах занимающихся развратом публично, дознать кто их содержательницы, вид по которому проживают публичные женщины и девки, время поступления их к содержательницам» [19, л. 11–12]. Согласно рапорту ростовского полицмейстера от 21 июля 1847 г. официально в городе проститутки и их содержательницы на учете не состояли. При этом сообщалось о «довольно известных дурного поведения лицах живущих отдельно каждая на своих квартирах любово-страстных болезней неимеющих». В предоставленном списке значились две мещанские вдовы, три мещанские девки, три солдатки, а также солдатская «дочь умершего отставного солдата Ивана Труева служившего в инвалидной команде» и крестьянская девка Кашинского уезда с. Косова гора вотчины помещицы Трубецкой. Солдатки проживали по документам, выданным рекрутскими присутствиями, а крестьянка – по билету, выписанному управляющим имением Трубецкой. Все женщины квартировали в домах ростовских мещан. В ростовском уезде публичных женщин не имелось [19, л. 27–31].

В 1866 г. в городе было зарегистрировано 20 проституток: 8 солдаток (6 состояли в браке), 7 мещанок, 4 крестьянки и 1 вольноотпущенная. Мещанки были жительницами Ростова, а крестьянки прибыли из уезда [20, л. 29–30]. На 20 февраля 1878 г. числилось 33 публичных женщины, из которых 18 были крестьянками, 8 ростовскими мещанками, 6 солдатками (2 замужем) и 1 записанная как «дочь чиновника» М. Спасская [21, л. 14–16].

По обследованию 1 августа 1889 г. в Ростове подтвердили свой статус 11 проституток-одиночек, 7 из которых были местными жительницами, а 4 приехали из других губерний. Средний возраст ростовских проституток составлял 21 год [17, с. 23]. В 1897 г., согласно всероссийской переписи, в разряде местных проституток состояло 20 женщин [16, с. 188].

В упомянутых официальных статистических обзорах существование домов терпимости в Ростове не зафиксировано, но архивные материалы подтверждают их функционирование в разные годы второй половины XIX – начала XX в. 31 декабря 1866 г. крестьянка ростовского уезда Х. Г. Юлина подписала годовой контракт с ростовским мещанином Д. Соколовым, согласно которому она могла открыть в деревянном доме Соколова, находившемся «в городе Ростове в Успенской улице с принадлежащими к нему землею, недвижимым строением и лавкою для какой либо торговли», с 1 января 1867 г. по 1 января 1868 г. «заведение публичных женщин» стоимостью 95 р. серебром. Соколову на этот период в доме проживать воспрещалось. Оплата должна была быть произведена в три этапа, а именно: «при написании сего условия – двадцать рублей, в будущую ростовскую ярмарку – сорок рублей, а остальные 35 рублей в декабре месяце того же 1867 года». Подобный график платежа свидетельствовал в пользу высоких доходов от деятельности борделя в период ростовской ярмарки. Договор был заверен юридически [22, л. 1–2].

Далее, 17 февраля 1867 г. Юлина получила свидетельство ростовского полицейского управления, разрешавшее содержание дома терпимости сроком на один год «с тем, чтобы Юлина все правила, утвержденные Господином Министром внутренних дел 29 мая 1844 года, исполняла во всей точности». К документу прилагался список поступавших в распоряжение Юлиной проституток: солдатских дочерей А. Исаевой 20 лет и Е. Шатровой 19 лет, ростовской мещанской девицы Е. Федякиной 20 лет и крестьянской девицы Т. Дормидонтовой 22 лет [22, л. 3–4 об.].

13 марта 1867 г. к Юлиной явились помощник полицейского пристава и врач Метелицын, крестьянка сообщила: «и нашли что дом Соколова по ветхости по тесноте и сырости неудобен в чем и составили акт и запретили мне торговлю. А 16 числа сего же марта часу в 1 ночи Г. Исправник и частный пристав прибыв в мою квартиру приказали мне прекратить мою торговлю из дома Соколова выехать». При этом в исполнение решения ростовского мирового судьи Соколов взыскал с Юлиной всю оставшуюся сумму. В целях возмещения убытка Юлина ходатайствовала перед губернатором о взыскании 130 р. с полицейского начальства, указав, что оно само выдало свидетельство на открытие заведения именно в доме Соколова, а позднее, в течение ярмарки, дом тер-

пимости инспектировали «полицейские дозоры и г. доктор Метелицын и ничего вредного и неудобного не находили» [22, л. 5].

19 апреля 1867 г. ростовское уездное управление рапортовало губернатору о том, что «публичное заведение девиц вольного поведения крестьянки Юлиной» закрыли в связи с тем, что арендуемый дом оказался «весьма ветхий, двери и потолки покосились, в комнатках, где помещаются спальни довольно сыро», а проститутки Исаева и Федякина были заподозрены в краже и признаны неблагонадежными [22, л. 7]. В прошении Юлиной отказали, о чем ей сообщили лишь 12 марта 1869 г. в Санкт-Петербурге, куда она к этому времени сумела перебраться [22, л. 13–14].

2 апреля 1885 г. в местную полицию поступило прошение от ростовской мещанки А. И. Кореневой об открытии дома терпимости. Было выяснено, что Коренева, 30 лет, под судом и следствием не состояла, детей не имела, дом терпимости предполагала открыть в собственном доме на Успенской ул., в котором имелось шесть комнат. Помещение признали удобным и опрятным. Перед тем как выдать разрешение на открытие борделя с шестью проститутками, полиция проконсультировалась с городским врачом, который заявил, что заведение мещанки Кореневой необходимо «ввиду правильного надзора за проститутками и в предупреждение самовольного открытия других подобных лицами неимеющими права на содержание девочек под видом одиночек». Он даже считал, что одного дома терпимости мало, так как по спискам в городе оставалось еще 15 проституток, а тайно в трактирах и пивных развратом занимались до 40 женщин [23, л. 448–451].

В начале XX в. костромская мещанка Е. Степанова владела одним из ростовских борделей, который располагался в доме А. П. Можяевой. В 1904 г., после проверки помещения полицейским надзирателем 1-й части, оно было «найденно отремонтированным»; разрешение на работу публичного заведения с 4 проститутками продлили [24, л. 13–17]. А в прошении мещанки А. Моисеевой, проживавшей в доме Сахарова, иметь в квартире пять проституток вместо двух было отказано «за неоплатою гербового сбора» [24, л. 30].

Относительно тихую повседневную жизнь уездного города прерывала знаменитая ростовская ярмарка. На протяжении длительного времени она оставалась одной из важнейших статей доходов населенного пункта. Несмотря на то что торговля

ежегодно «начиналась со среды первой недели великого поста и кончалась на четвертой» [18, с. 34], вместе с многочисленным пришлым людом туда прибывали содержательницы домов терпимости и женщины легкого поведения. В 1876–1880 гг. ростовские власти даже запрещали открытие домов терпимости, ссылаясь на творившиеся «безобразия» [25, л. 8–11]. Количество городских проституток менялось каждый месяц.

Социальное положение проституток

26 сентября 1878 г. ростовский пристав рапортовал, что часть публичных женщин проживала «где день, где ночь», а затем без ведома полиции скрывалась. В летнее время «почти половина проституток» занималась в селениях ростовского уезда поденными работами, и только этим трудом они себя прокармливали. В зимнее время многие женщины «не имели не только теплой одежды, но даже обуви» и вследствие этого не могли приходить в назначенные для освидетельствования дни. Это было известно ростовскому городовому врачу, который считал для себя неудобным и затратным ходить по квартирам к подобным женщинам. Чтобы собрать проституток к назначенному для освидетельствования дню, пристав рассылал по городу и в слободы полицейских «для сбора их и отправления к врачу; более приличные женщины весьма часто приглашают к себе бедных проституток, под видом прислуги, одевают их и тайным образом допускают с собою развратничать» [23, л. 53–54]. Чиновник просил полицию сделать распоряжение, чтобы врач посещал их на дому, так как в связи с наступлением зимнего времени и неимением надлежащей одежды, они не могли проходить регулярные медицинские осмотры в земской больнице. Кроме того, предлагалось разрешить открыть новый дом терпимости в Ростове, «и тогда можно надеется, что для полиции не будет столько труда как теперь разыскивать проституток для освидетельствования». шесть из 19 проституток не имели постоянных городских квартир и проживали в близлежащих селениях [23, л. 69–73].

Из-за отсутствия паспортов проститутки не могли свободно перемещаться в другие города, для чего требовалось получить проходное свидетельство, а по прибытию встать на учет в полиции. 8 июня 1880 г. пристав Фролов сообщал, «что публичные женщины Александра Кобылкина и Настасья Тумакова

самовольно уехали, первая – в г. Рыбинск, а последняя – в г. Ярославль, Агрофена Неклюдова из разряда публичных исключена Полицейским Управлением еще в прошлом году; Марья Мелентьева и Клавдия Федякина оставляют разврат, первая хочет поступить на фабрику Кекина, а вторую взял на попечение муж, Апполинария Озерова, Евлампия Богданова находятся на работах в собственных селениях а Марья Поварова и Вера Галина укрываются от освидетельствования, почему по отыскании сего числа будут задержаны при части и завтра отосланы». Кобылкину и Тумакову приговорили к денежным штрафам и сообщили в рыбинское и ярославское полицейские управления [23, л. 230–231].

Проститутки по разным причинам пытались сменить сферу деятельности. Часто в этом им хотели помочь родственники и сожители. Например, мещанка А. П. Фарфаровская объясняла про свою дочь: «по молодости и неопытности своей, увлекшись развратной жизнью, без ведома моего проживала в публичных местах проституток, а поэтому и зачислена в число их, с обязанностью исполнять полицейско-медицинские правила по освидетельствованию организма врачом, для чего и получила от Ростовского городского полицейского управления установленный билет 30 марта сего 1880 года за № 20. В настоящее время дочь моя, Анна Фарфоровская более месяца взята мной в семейство проживает под моим попечением оставивши безнравственную жизнь, занимаясь женскими работами и хозяйством. Почему для освобождения ее от нравственного гнета при воспоминании о жизни проститутки, принимая в свое родительское попечение, я прошу ростовское уездное полицейское управление дочь мою ростовскую мещанскую девицу Анну Алексееву Фарфаровскую из числа проституток исключить и от обязанности являться ко исполнению врачебно-медицинских правил освободить». В ходе проверки было установлено, что «мещанка Анна Фарфаровская действительно в настоящее время оставила разврат, проживает у отца своего, который взял ее на свое попечение с ответственностью за ее поведение» [23, л. 221–223].

Выйти из разряда проституток получалось не у всех женщин. 8 июня 1881 г. солдатская жена А. Ф. Моткова сообщила: «достигши 30 летнего возраста, я хотя и содержу у себя на квартире проституток, но сама по летам и отвращению к этой профессии более этим не занимаюсь, а занимаюсь исключительно одним

домохозяйством и свойственными пожилой женщине работами, о чем засвидетельствует как квартирный мой хозяин мещанин Аполлон Федоров Ушаков и его жена, так и гости». Пристав Фролов установил, что Моткова, проживая в одной квартире с проститутками, продолжала заниматься старой профессией. Ей объявили, что до оставления «квартиры проститутки и занятия самой проституцией», она не может быть исключена из состава проститутки [23, л. 312]. 15 июня 1882 г. крестьянка дер. Турово Х. Кузнецова просила удалить ее из разряда публичных женщин в связи с намерением поступить на фабрику купца Кекина. Женщина получила отказ, так как, по собранным полицией сведениям, «ремесло разврата не оставила» [23, л. 427–428].

14 мая 1882 г. ростовский мещанин А. Коренев заявлял, что имел «на своем содержании в нежных отношениях по обоюдной любви с проституционной вдовой Анной Ивановой Звездкиной», с которой желал продолжить сожителство, и просил ее освободить «от возлагаемого по проституции еженедельного свидетельства», ручаясь, что «за ней впредь ничего подобного быть не может». Позднее за себя ходатайствовала сама обер-офицерская вдова Звездкина: «Имею честь покорнейше просить полицейское управление выключить меня из разряда проститутки и освободить от свидетельства; так я уже оставила заниматься и в настоящее время нахожусь на содержании у ростовского мещанина Алексея Коренева больше чем с год». Несмотря на то что заявители действительно сожительствовали, в удалении из разряда публичных женщин ей было отказано, так как «Звездкина шляется по трактирам в обществе проститутки» [23, л. 409–414, 430]. Позднее она все же вышла замуж и открыла дом терпимости [23, л. 448–451].

Часть проститутки состояла в официальном браке, при этом мужа их деятельности не препятствовали, а в некоторой степени даже способствовали. Так, 19 февраля 1883 г. в ростовское уездное полицейское управление поступило прошение солдата В. Федорова, где он сообщал, что его супруга, числившаяся в проститутках Ростова, желала «поступить в число тамошних же в г. Москве», и запрашивал для нее документы для проживания в Москве. К ходатайству прилагалось свидетельство о браке и билет проститутки на имя Н. А. Федоровой, 17-летней ростовской мещанской жены, оформленный 22 декабря 1882 г. В итоге

Федоровой выдали проходное свидетельство, удалили из списка публичных женщин Ростова, а также уведомили канцелярию московского обер-полицмейстера о ее прибытии [23, л. 439–442а].

30 ноября 1882 г. по предписанию Ярославского губернского правления в Ростове с целью предупреждения распространения сифилиса среди нижних воинских чинов начала действовать врачебно-полицейская комиссия [26, л. 8]. В ее состав вошли представители гражданских и военных властей: уездный исправник Крылов (председатель), городской врач Пирожков, капитан 35-й артиллерийской бригады Чайковский и военный врач Гарковенко. К «неукоснительному исполнению» были приняты «Правила о предупреждении распространения любострастной болезни между нижними воинскими чинами в Ярославской губернии», которые предусматривали расширение полномочий военных властей по борьбе с венерическими заболеваниями. Военная администрация получила следующие права:

- командировать своих врачей для освидетельствования проституток-одиночек в помощь городским медикам;
- получать всю необходимую информацию о надзоре за проституцией от ответственных полицейских чиновников;
- собирать сведения о местах, посещаемых солдатами «для полового распутства» и в случае обнаружения мест «тайной проституции» направлять туда полицейских;
- требовать от каждого заболевшего сифилисом солдата точных сведений о заразившей его женщине [26, л. 1–2].

По сообщению поручика Мартоса от 13 апреля 1895 г., солдаты в основном посещали проституток-одиночек, которые квартировали преимущественно на ул. Лазаревской. Некоторые имели постоянных любовниц. В тайные притоны нижние чины не ходили, так как после 9 ч вечера они оставались в казармах, а разрешение на выход предоставлялось только с согласия начальства [27, л. 51]. Несмотря на факты заражения и последующие допросы в военной части, солдаты старались не сообщать о путях инфицирования, скрывали настоящие имена женщин, которые могли передать венерические заболевания. Выданные же проститутки часто оказывались здоровыми [28, л. 85; 29, л. 68]. Деятельность ростовской врачебно-полицейской комиссии способствовала координации и ужесточению межведомственного контроля над городской проституцией.

Проституция и правонарушения

Местом регулярных правонарушений, связанных с проституцией, являлись питейные заведения. В прошении, направленном 19 августа 1891 г. Ярославскому губернатору, ростовчане выражали свое недовольство, заявляя, что «вышли из терпения» и призывали к принятию мер для прекращения «безобразий» в ростовских трактирных заведениях. В прошении предлагалось направить комиссию для проверки ситуации, в том числе на предмет коррупции и неэффективности городской полиции [30, л. 32].

Трактир «Якорь» располагался в непосредственной близости от городской думы и принадлежал бывшему волостному старшине Карашской волости И. В. Григорьеву. В жалобе указывалось, что данное заведение представляло из себя «вертеп», притон для различных сомнительных личностей, особенно женщин с неприличной репутацией. При этом отмечалось, что чины полиции благодетельствовали Григорьеву, вероятно, получали от него взятки. В ответ на многочисленные жалобы, начиная от исправника и заканчивая городскими, не принимались никакие меры. Трактир Якимовой «Ивановское подворье» также описывался как «не заведение, а прямой дом терпимости», где допускался разврат, включая продажу женщин несовершеннолетним. Однажды в этом трактире был задержан малолетний послушник казначея Троице-Сергиева Варницкого монастыря, который украл деньги и тратил их на алкоголь, находясь в компании проституток [30, л. 32].

27 августа 1891 г. ростовский уездный исправник докладывал губернатору, что даже незначительные нарушения в небольшом городе не оставались незамеченными для полиции. Трактирные заведения, принадлежащие Григорьеву и Якимовой, которые преимущественно посещались представителями низших слоев населения, такими как фабричные рабочие и солдаты, находились под постоянным наблюдением. Помимо регулярных проверок полицейскими патрулями, проводились внезапные ночные осмотры. Благодаря таким мерам, Григорьев привлекался к ответственности за допущение азартных игр и публичных женщин, за что по решению судьи в одном случае был оштрафован на 25 р., а в другом – на 10 р. Якимова также была оштрафована за допущение женщин с дурной репутацией на 25 р. (отменено съездом судей) и еще раз – на 10 р. По мнению чиновника, не-

смотря на сложности, связанные с надзором за трактирными заведениями в Ростове и обусловленные ограниченным числом полицейских, крупные бесчинства происходили в них крайне редко. Губернатор поручил установить более строгий и систематический надзор за данными учреждениями [30, л. 29–37].

В ноябре 1868 г. в Ростове произошло жестокое убийство проститутки П. Тимофеевой, проживавшей в доме Сорокиной. Экспертиза показала, что умершая, на вид 25 лет, обладала русыми густыми волосами, в которых «была замешана яровая солома», высоким ростом и крепким телосложением, «подкожный слой содержал много жира». На трупе были надеты «неопряденная деревенская рубашка с лифом из красного ситца, на ногах худые шерстяные чулки, на правой руке четыре кольца черноватого цвета». Перед смертью и в течение жизни женщина систематически употребляла спиртные напитки. Помимо алкоголя, в желудке обнаружили остатки пшеничной каши. Тело имело множественные травмы, в том числе головы, шеи и рук. Внутренние повреждения включали гиперемия мягкой мозговой оболочки и увеличенную печень с кровью. Удары наносились поленом и кулаками [31, л. 18].

Преступление совершили четыре человека: ростовские мещане Е. Федякина, А. Головин, И. Новиков и крестьянка ростовского уезда У. Васильева. У Федякиной и Новикова на руках были обнаружены раны от укусов, указывавшие на попытку самообороны со стороны Тимофеевой. Труп в мешке с камнями бросили в колодец на ул. Лазаревской. Местные жители знали, что женщина имела накопления, «хоть она себе ни в чем и не отказывала, но была бережлива и даже скупа». После происшествия выяснилось, что у Тимофеевой пропала шкатулка со 120 р. и пальто [31, л. 3–4, 16]. Федякина и Васильева в 1866 г. состояли в числе ростовских проституток [20, л. 19–20]. Повседневная жизнь публичных женщин ставила их в группу риска, повышала вероятность возникновения конфликтных ситуаций и насилия со стороны клиентов или знакомых. Регулярное потребление алкоголя дополнительно увеличивало уязвимость женщин.

Обсуждение и выводы

Во второй половине XIX – начале XX в. проституция была заметным элементом повседневной жизни российского провинциального города. Социальный состав девушек легкого поведения

небольших уездных городов в целом соответствовал более крупным урбанизированным центрам. Особенно бедственным было материальное положение проституток, прибывавших из сельской глубинки. Основными потребителями платных интимных услуг являлись представители низших социальных слоев, пришлый рабочий люд и солдаты. Публичные женщины по большей части были проститутками-одиночками, квартировавшими в домах местных мещан. Дома терпимости, рассчитанные на состоятельную публику, как правило, отсутствовали. Часть женщин так и не сумела оставить «ремесло разврата», отдав этому молодость. Некоторые впоследствии сами становились содержательницами борделей. Другие же сумели завязать с «непотребством», устроиться на работу, выйти замуж, переехать.

Местные власти осуществляли строгий надзор за женщинами, попавшими в список проституток, который пополнялся за счет задержанных по обвинению в нелегальной проституции и на основе личного заявления. Несмотря на возможность беспрепятственно оставить профессию, даже в случае долга перед содержательницей, полиция внимательно разбиралась в каждом случае. При наличии сомнения в реальном намерении женщины бросить проституцию, паспорт не возвращался, приходилось продолжать регулярно проходить медицинские освидетельствования. Поднадзорная проституция не являлась основной причиной распространения венерических заболеваний. Тайная проституция в этом смысле представляла гораздо большую опасность. Сочетание профессиональной деятельности, социального окружения и предрасположенности к употреблению спиртных напитков создавало условия, способствовавшие насилию и преступлениям как против публичных женщин, так и с их стороны.

Список литературы

1. Hearne S. Policing prostitution: regulating the lower classes in late Imperial Russia. Oxford: Oxford University Press, 2021. 240 p.

2. Bernstein L. Sonia's Daughters: Prostitutes and Their Regulation in Imperial Russia. Berkeley: University of California Press, 1995. 304 p.

3. Allen B. C. Prostitution and the State in Late Imperial Russia. California: University of California Press, 1999. 288 p.

4. Lucey C. Love for Sale: Representing Prostitution in Imperial Russia. Ithaca: Cornell University Press, 2021. 270 p.

5. Тарновский В. М. Проституция и аболиционизм: докл. Рус. сифилидол. и дерматол. о-ву проф. В. М. Тарновского. СПб.: К. Риккер, 1888. 261 с.

6. Труды Первого Всероссийского съезда по борьбе с торговом женщинами и его причинами, происходившего в С.-Петербурге с 21 по 25 апреля 1910 года. СПб.: б. и., 1911–1912. Т. 1–2.
7. Карандашев Г. В. Проституция в повседневной жизни г. Рыбинска во второй половине XIX – начале XX вв. // Вестник Костромского государственного университета. – 2024. – Т. 30. – № 1. – С. 53–60. DOI: 10.34216/1998-0817-2024-30-1-53-60. EDN: НКMIRX
8. Карандашев Г. В. Городская повседневность: проституция в Ярославле в конце XIX – начале XX вв. // Вестник гуманитарного образования. – 2024. – № 1 (33). – С. 48–57. DOI: 10.25730/VSU.2070.24.005. EDN: TOTYVG
9. Кончаковская Н. Б. Проституция в городской повседневности пермской губернии в конце XIX – начале XX века // Вестник Пермского университета. История. – 2020. – № 2(49). – С. 67–79. DOI: 10.17072/2219-3111-2020-2-67-79. EDN: QWYJVV
10. Лебина Н. Б. Проституция в Петербурге (40-е гг. XIX в. – 40-е гг. XX в.). М.: Прогресс-Академия, 1994. 221 с. EDN: VHFHKT
11. Малышева С. Ю. Содержательницы казанских борделей второй половины XIX – начала XX в.: портрет явления // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2013. – Т. 155. – № 3–1. – С. 102–112. EDN: RBXLJN
12. Нестеренко Д. Н. Особенности взаимоотношений маргинальных элементов и общества на примере феномена проституции в XIX веке (по материалам Енисейской губернии) // Социально-экономический и гуманитарный журнал. – 2024. – № 1. – С. 155–164. DOI: 10.36718/2500-1825-2024-1-155-164. EDN: XTNHZX
13. Синова И. В. Жизнь по «жёлтому» билету. СПб.: Изд-во Дмитрий Буланин, 2021. 208 с. EDN: RZUTUK
14. Синова И. В. Маргиналы в петербургском социуме во второй половине XIX – начале XX в. // История повседневности. – 2016. – № 1(1). – С. 63–76. EDN: WPCQXQ
15. Пушкарева Н. Л., Любичанковский С. В. Понимание истории повседневности в современных исторических исследованиях: от школы Анналов к Российской философской школе // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. – 2014. – Т. 4. – № 1. – С. 7–21. EDN: SEELED
16. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. Ярославская губерния. СПб.: Тип. кн. В. И. Мещерского, 1904. 233.
17. Проституция = La prostitution: по обследованию 1-го августа 1889 года. СПб.: Тип. Мин. внутр. дел, 1890. С. 16–36.
18. Иванов Д. А. Спутник по Ростову Великому Ярославской губернии. Ростов Великий: Типография А. Х. Оппель, 1912. 115 с.
19. Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). Ф. 73. Оп. 3. Д. 796.
20. ГАЯО. Ф. 1150. Оп. 1. Д. 5.
21. ГАЯО. Ф. 1150. Оп. 1. Д. 197.
22. ГАЯО. Ф. 73. Оп. 4. Д. 2901.
23. Государственный архив Ярославской области Ростовский филиал (ГАЯО РсФ). Ф. 34. Оп. 1. Д. 241.
24. ГАЯО РсФ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 277.
25. ГАЯО. Ф. 73. Оп. 4. Д. 3203.
26. ГАЯО РсФ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 193.
27. ГАЯО. Ф. 1150. Оп. 1. Д. 958.
28. ГАЯО. Ф. 1150. Оп. 1. Д. 600.
29. ГАЯО. Ф. 1150. Оп. 2. Д. 247.
30. ГАЯО. Ф. 73. Оп. 4. Д. 4135.
31. ГАЯО. Ф. 346. Оп. 4. Д. 187.

Everyday Life of a County Town: Prostitution in Rostov in the 1850s through 1900s

Gleb V. Karandashev

The article examines the problem of urban prostitution in Russia in the second half of the 19th – early 20th century on the example of the district city of Rostov, Yaroslavl province. Based on the analysis of a wide range of sources, prostitution is considered as a socio-cultural phenomenon of everyday life in Rostov, which allows to identify the dynamics and characteristics of prostitution as an integral component of urban life. The paper examines the social status of prostitutes, the activities of the brothels' keepers and the surrounding socio-cultural environment. The famous Rostov fair brought a special flavor to the life of the city, attracting girls of easy virtue. A medical and police commission operated in Rostov to prevent the spread of syphilis. Clandestine prostitution posed the greatest danger in terms of the spread of sexually transmitted diseases. The majority of public women belonged to the lower social categories. Visitant prostitutes, mostly single, lived in the houses of Rostov burghers, and the locals had their own housing. Women were restricted in their right to move freely and leave the prostitution ring. The combination of the professional activity specifics, social environment and predisposition to alcohol contributed to the formation of a criminogenic environment around them.

Key words: Russian Empire, Yaroslavl province, Rostov, everyday life, prostitution, police.

For citation: Karandashev, G. V. (2025) Povsednevnyaya zhizn' uездnogo goroda: prostituciya v Rostove v vtoroj polovine XIX – nachale XX v. [Everyday Life of a County Town: Prostitution in Rostov in the 1850s through 1900s]. *Istoriya povsednevnosti* [History of Everyday Life]. No. 1. Pp. 174–189. (In Russ.). DOI: 10.35231/25422375_2025_1_174. EDN: HKKIFG

References

- Hearne, S. (2021) Policing prostitution: regulating the lower classes in late Imperial Russia. Oxford: Oxford University Press.
- Bernstein, L. (1995) *Sonia's Daughters: Prostitutes and Their Regulation in Imperial Russia*. Berkeley: University of California Press.
- Allen, B. C. (1999) *Prostitution and the State in Late Imperial Russia*. University of California Press.
- Lucey, C. (2021) *Love for Sale: Representing Prostitution in Imperial Russia*. Ithaca: Cornell University Press.
- Tarnovskij, V. M. (1888) *Prostituciya i abolicionizm: Dokl. Rus. sifilidol. i dermatol. o-vu prof. V. M. Tarnovskogo* [Prostitution and abolitionism: report to Russian syphilidol. and dermatol. society by Prof. V. M. Tarnovskij]. St. Petersburg: K. Rikker. (In Russ.)
- Trudy Pervogo Vserossijskogo s'ezda po bor'be s torgom zhenshchinami i ego prichinami, proiskhodivshego v S.-Peterburge s 21 po 25 aprelya 1910 goda* (1911–1912) [Proceedings of the First All-Russian Congress on combating trafficking in women and its causes, which took place in St. Petersburg from April 21 to April 25 1910]. Vol. 1–2. St. Petersburg. (In Russ.)
- Karandashev, G. V. (2024) *Prostituciya v povsednevnoj zhizni g. Rybinska vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv.* [Prostitution in the daily life of Rybinsk in the 2nd half of the 19th – early 20th century]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Kostroma State University]. Vol. 30. No. 1. Pp. 53–60. (In Russ.). DOI: 10.34216/1998-0817-2024-30-1-53-60. EDN: HKMIRX
- Karandashev, G. V. (2024) *Gorodskaya povsednevnost': prostituciya v Yaroslavle v konce XIX – nachale XX vv.* [Urban everyday life: prostitution in Yaroslavl in the late 19th – early 20th centuries]. *Vestnik gumanitarnogo obrazovaniya*. [Herald of Humanitarian Education]. No. 1 (33). Pp. 48–57. (In Russ.). DOI: 10.25730/VSU.2070.24.005. EDN: TOTYVG
- Konchakovskaia, N. B. (2020) *Prostitutsiia v gorodskoi povsednevnosti Permskoi gubernii v kontse XIX – nachale XX veka* [Prostitution in the urban everyday life of the Perm province in the late 19th – early 20th century]. *Vestnik Permskogo universiteta* [Vestnik of Perm University]. No. 2 (49). Pp. 67–79. (In Russ.). DOI: 10.17072/2219-3111-2020-2-67-79. EDN: QWYJVY
- Lebina, N. B. (1994) *Prostituciya v Peterburge (40-e gg. XIX v. – 40-e gg. XX v.)* [Prostitution in St. Petersburg (40s of the 19th century – 40s of the 20th century)]. Moscow: Progress Academy. (In Russ.). EDN: VHFHKT
- Malysheva, S. Yu. (2013) *Soderzhatel'nicy kazanskikh bordelej vtoroj poloviny XIX – nachala XX v.: portret javleniya* [The mistresses of Kazan brothels in the second half of the 19th – early 20th century: the portrait

of the phenomenon]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Proceedings of Kazan University. Humanities Series]. Vol. 155. No. 3–1. Pp. 102–112. (In Russ.). EDN RBXLJN

12. Nesterenko, D. N. (2024) *Osobennosti vzaimootnoshenij marginal'nykh elementov i obshchestva na primere fenomena prostitutsii v XIX veke (po materialam Enisejskoj gubernii)* [Relationships features of the marginal elements and society by the example of the prostitution phenomenon in the 19th century (based on materials of the Yenisei province)]. *Social'no-ekonomicheskij i gumanitarnyj zhurnal* [Socio-economic and humanitarian journal]. No. 1. Pp. 155–164. (In Russ.). DOI: 10.36718/2500-1825-2024-1-155-164. EDN: XTNHZX

13. Sinova, I. V. (2021) *ZHizn' po «zhylotomu» biletu* [Life on the "yellow" ticket]. St. Petersburg: Dmitrij Bulanin. (In Russ.). EDN: RZUTUK

14. Sinova, I. V. (2016) *Marginaly v peterburgskom sociume vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v.* [Marginals in St. Petersburg society in the second half of the 19th – early 20th century]. *Istoriya povsednevnosti* [History of everyday life]. No. 1 (1). Pp. 63–76. (In Russ.). EDN: WPCKQX

15. Pushkareva, N. L., Lyubichankovskij, S. V. (2014) *Ponimanie istorii povsednevnosti v sovremennykh istoricheskikh issledovaniyah: ot shkoly Annalov k Rossijskoj filosofskoj shkole* [Understanding the history of everyday life in modern historical research: from the Annales school to the Russian philosophical school]. *Vestnik LGU im. A.S. Pushkina* [Pushkin Leningrad State University Journal]. Vol. 4. No. 1. Pp. 7–21. (In Russ.). EDN: SEELED

16. *Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossijskoj imperii 1897 goda. Yaroslavskaya guberniya* (1904) [First General Census of the Russian Empire in 1897. Yaroslavl Province]. St. Petersburg: Tip. kn. B. I. Meshcherskogo, (In Russ.)

17. *Prostitutsiya = La prostitution: po obsledovaniyu 1-go avgusta 1889 goda* (1890) [Prostitution according to the survey of August 1, 1889]. St. Petersburg. (In Russ.)

18. Ivanov, D. A. (1912) *Sputnik po Rostovu Velikomu Yaroslavskoj gubernii* [Companion to Rostov the Great, Yaroslavl province]. Rostov Velikij: Tipografiya A. H. Oppel. (In Russ.)

19. *Gosudarstvennyj arhiv Yaroslavskoj oblasti* [State Archive of the Yaroslavl region] (hereinafter – GAYO). F. 73. Op. 3. D. 796.

20. GAYO. F. 1150. Op. 1. D. 5.

21. GAYO. F. 1150. Op. 1. D. 197.

22. GAYO. F. 73. Op. 4. D. 2901.

23. *Gosudarstvennyj arhiv Yaroslavskoj oblasti. Rostovskij filial* [State Archive of the Yaroslavl region. Rostov branch] (hereinafter – GAYO RsF). F. 34. Op. 1. D. 241.

24. GAYO RsF. F. 13. Op. 1. D. 277.

25. GAYO. F. 73. Op. 4. D. 3203.

26. GAYO RsF. F. 13. Op. 1. D. 193.

27. GAYO. F. 1150. Op. 1. D. 600.

28. GAYO. F. 1150. Op. 2. D. 247.

29. GAYO. F. 1150. Op. 1. D. 958.

30. GAYO. F. 73. Op. 4. D. 4135.

31. GAYO. F. 346. Op. 4. D. 187.

Об авторе

Карандашев Глеб Владимирович, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры отечественной истории, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, г. Ярославль, Российская Федерация; e-mail: karandashev@gmail.com; ORCID ID: 0000-0002-7499-9254

About the author

Karandashev Gleb V., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of National History, Yaroslavl State Pedagogical University n. a. K. D. Ushinsky, Yaroslavl, Russian Federation; e-mail: karandashev@gmail.com; ORCID ID: 0000-0002-7499-9254

Статья поступила в редакцию 28.11.2024

Одобрена после рецензирования 22.01.2025

Принята к публикации 27.01.2025